

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.004

Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы)

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение. В настоящей публикации продолжается начатое в предыдущем номере журнала исследование парной категории «значительное – малозначительное» в уголовном праве, которое осуществляется через призму требований, предъявляемых обществом к уголовному судопроизводству. *Цель:* глубже изучить некоторые теоретические аспекты проблемы, приблизиться к познанию сущности некоторых аспектов судебского усмотрения, критически «прочитать» обзоры новейшей судебной практики. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, диалектического познания, анализ и синтез. *Результаты:* подробно изучена уголовно-правовая доктрина малозначительности, выделены четыре относительно самостоятельных периода ее формирования: дореволюционный (1845–1917), постреволюционный (1917–1958), развитого социализма (1958–1991) и постсоветский (начиная с 1991 г.). Критике подвергнут институт «небольшого размера», существовавший в 1965–1982 гг. Проанализированы ситуации, когда суды на прецедентном уровне, «торпедируя» обозначенную законодателем тяжесть содеянного виновным, изыскивают варианты освобождения конкретных лиц как от уголовной ответственности, так и уголовного наказания. Автор приходит к следующим *выводам:* нет единого толкования понятий значительного и малозначительного в теории российского уголовного права; поскольку все еще продолжается разработка алгоритмов применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, а равно аналогичных уголовно-правовых регламентов (например, ч. 6 ст. 15 УК РФ), в которых неизбежно заходит спор о значимости содеянного, обществу приходится рассчитывать на уровень искусства толкования конкретного судьи. Растет число правоведов, предлагающих проблему малозначительности деяния вынести на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В последующих статьях серии читателю будет предложен предметный анализ исследования практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, содержащейся в решениях Первого Кассационного суда общей юрисдикции.

Ключевые слова: малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); парные категории; уголовное право; фундаментальный принцип права; свобода судебского выбора; общественная опасность; наказательное право; правонарушение; правонарушение, предусмотренное КоАП РФ; уголовный проступок; виртуальная (предполагаемая) польза наказания; реальный социальный вред наказания; судебная практика; единство судебной практики.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 145–155. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.004.

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (In-Depth Analysis of the Problem)

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: this publication continues the research of the paired category “significant – insignificant” in criminal law, covered in the previous issue of the journal. It is carried out through the prism of requirements imposed by society on criminal proceedings. *Purpose:* to more deeply study some theoretical aspects of the problem, to get closer to understanding the essence of some aspects of judicial discretion, and to analyze reviews of the latest judicial practice. *Methods:* historical, comparative legal, dialectical cognition, analysis and synthesis. Results: the criminal law doctrine of insignificance is studied in detail. Four relatively independent periods of its evolution (pre-revolutionary (1845–1917), post-revolutionary (1917–1958), developed socialism (1958–1991) and post-soviet (since 1991)) are identified. The institution of “small size” (1965–1982) is criticized. The author analyses situations when courts at the precedent level, “torpedoing” the severity of the crimes indicated by the legislator, seek options to release certain persons both from criminal liability and criminal punishment. The author comes to the following conclusions: there is no single interpretation of the concepts of significant and insignificant in the theory of Russian criminal law; since algorithms for the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as similar criminal legal regulations (for example, Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation) are still developing, in which a dispute inevitably arises about the significance of what has been done, society has to rely on the level of interpretation art of a particular judge. A growing number of lawyers propose to bring the problem of the insignificance of an act to the discussion of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. In subsequent articles, the reader will be offered a substantive analysis of the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contained in the decisions of the First General Jurisdiction Court of Cassation.

Keywords: insignificance of an act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (in-depth analysis of the problem). *Penitentiary Science*. 2024. vol. 18, no. 2 (66), pp. 145–155. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.004.

Преступление: рациональное и иррациональное.

Как отмечалось в предыдущей публикации [1], анализируемый институт малозначительности известен теории права со времен Древнего Рима, уже тогда было сформулировано суждение: «*summum jus, summa injuria*» – точное соблюдение закона (максима) порой равно высшему бесправью (Цицерон – *de officiis*, I, 10, 33; Теренций – *Heatontimorumenos*, IV, 5), буквальное истолкование закона порой конфликт не разрешает, а порождает новую несправедливость. Неслучайно вышеуказанное суждение в некоторых

странах (например, во Франции) возведено в ранг основных принципов права [2]. С сожалением приходится констатировать, что принцип «*summum jus, summa injuria*» не только не нашел своего места в действующем российском законодательстве, но и его изучение находится за рамками учебных программ, упоминание о нем отсутствует в большинстве курсов по уголовному праву.

Кроме того, в предыдущей публикации с опорой на доктринальное толкование действующего законодательства было отмечено, что отличительной

характеристикой деяния, возведенного закреплённой в законе нормой права и квалифицируемой как преступление (ч. 1 ст. 14 УК РФ), признаётся особая социальная значимость содеянного. Очевидно, что УК РФ 1996 г. был разработан далеко не на пустом месте, действующий уголовный закон – совокупность компромиссов, найденных предыдущими поколениями юристов. Возникает вопрос, когда и при каких обстоятельствах получили признание идеи, которые в наши дни не только воплотились в уголовный закон, но и нашли свое продолжение в повседневной следственной, прокурорской и судебной практике?

Сегодня мы вынуждены констатировать, что практически все существующие судебные системы, свойственные их функционированию технологии – порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Очевидно, что многим из них в какой-то момент просто не найдется места в постиндустриальном в обществе. Уже сейчас на смену «классическому судебному офису» стремительно идет «офис», по инерции именуемый все еще судебным, но уже во многом виртуальный [3].

Что же при таких обстоятельствах день грядущий нам готовит? Ответ на данный вопрос можно отыскать в трудах Даниела Белла (1919–2011) «Конец идеологии» (Bell D. *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties.* Cambridge, 1960), «Грядущее постиндустриальное общество» (Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society.* N.Y., 1973) и «Культурные противоречия капитализма» (Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism.* N.Y., 1976). Если классики марксизма-ленинизма считали, что «государственная машина, свойственная обществу индустриальному, – «паразит», который обязательно должен быть полностью замещен чем-то новым», при этом они настойчиво призывали революционеров, отбросив «мещанские иллюзии мирного развития демократии», обратиться к повивальной бабке истории – насилию, то, по Д. Беллу, «старый мир разрушать до основания» (*zerbrochen*) никакой необходимости нет, ибо государство и право, равно как и прочие достижения цивилизации, вполне могут пригодиться новому постиндустриальному обществу.

Иными словами, отвечая на вопрос, в какой степени настоящее детерминировано прошлым, Д. Белл предлагал не разбрасываться социально-правовыми ценностями дней минувших. В этом он далеко не одинок. Его современник философ С. Н. Булгаков (1871–1944) еще в первой половине XX в. отметил, что в «жизни как отдельного лица, так и народа огромное влияние имеет их прошлое» [4, с. 73]. Социально-правовые технологии, пусть даже и разработанные обществом в очень далеком прошлом, – это те грани бесценного опыта человечества, которые лежат в основе его современного рационального поведения. В то же время реальная трансформация общества влечет модернизацию как системы власти в целом, так и аппарата управления – государства, в том числе такого важного его элемента, как суд – институт, которому вменено в обязанность найти четкую грань между преступным и не преступным [3]. Попробуем проанализировать основные этапы становления категории «преступление» в России.

Общепризнанные традиции развития русского уголовного права. Как известно, истоки российского уголовного закона уходят в глубину веков, ко временам «Русской Правды», судебников 1449, 1497, 1550 гг. Именно там можно найти первые рассуждения законодателя о преступлении. Но основные понятия и технологии современного уголовного судопроизводства были выработаны и закреплены в XIX в.

В царствование Николая I (1796–1855) под руководством главноуправляющего Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа Д. Н. Блудова (1785–1864) на основе, во-первых, старого российского законодательства, во-вторых, текущей отечественной судебной практики, в-третьих, уголовных законов европейских государств была осуществлена своего рода кодификация уголовного права России. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было рассмотрено Государственным советом, после чего 15 августа 1845 г. утверждено Императором и с 1 мая 1846 г. введено в действие.

Отделение первое уложения «О существе преступлений и проступков» гласило: «Всякое нарушение закона, через которое лицо посягает на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление» (ч. 1). «Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступком» (ч. 2). «За преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям уголовным или исправительным» (ч. 3). «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною» (ч. 7).

Как видим, авторы уложения, регламентируя сущность преступления (проступка), используют термин «зло» – определенный преступный результат, материализуя и конкретизируя тем самым реальность последствий противоправной деятельности. Отсутствие «зла» (последствий), а равно отсутствие вины конкретного человека в причинении «зла» устраняют преступность, а следовательно и наказуемость деяния.

Само по себе «зло» – нормативно-оценочная категория морального сознания (ценности, нормы – идеал, являющийся отражением практического опыта). Таким образом, «зло» – это все то, что получает у людей отрицательную оценку, порицание. В христианстве категория «зло» – историческая, авторы учения исходили из того, что зло в конечном итоге будет побеждено. Философ Андре Конт-Спонвиль, толкуя категорию «зло», обращаясь к учению рационалиста Бенедикта (Баруха) Спинозы (1632–1677), анализируемую категорию толкует весьма широко: «Зло все то, что отделяет нас от человеческого идеала» [5, с. 196–197]. Ниже читаем: «злой – человек, который ведет себя как преступник или, чаще, как негодяй» [5, с. 197].

В современном понимании, в соответствии со словарем русского языка под редакцией А. П. Евге-

ньювой, «зло» – все дурное, плохое вредное, а «злодей» – лицо, совершившее злодеяние, «негодяй» – подлый низкий человек.

Изложенное выше позволяет заключить, что в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, в отличие от действующего УК РФ 1996 г., не перемешиваются преступления (деяния во истину опасные) и проступки (данной степенью общественной опасности не обладающие).

Имевший место в 1917 г. отказ от института уголовного проступка лишил и законодателя, и правоприменителя необходимой свободы маневра как при квалификации содеянного, так и при назначении наказания. Как видим, в УК РФ определения малозначительности в конкретных деяниях нет, в то же время возможность ее гипотетического обнаружения, по крайней мере теоретически, не исключается (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Позволим себе предположить, что закрепленная в уголовном законе «малозначительность» – не более чем просто фигура речи. Предельная краткость избранной законодателем формулировки – намек на то, что норма, предусмотренная ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности, по большому счету, не для повседневного применения. В какой-то степени анализируемая конструкция аналогична упоминанию в УПК РФ о том, что «приговор может быть оправдательным или обвинительным» (ч. 1 ст. 302), так как очевидно, что общество ждет от суда приговоров именно обвинительных. Оправдание – брак в работе стороны обвинения. Что касается популистских рассуждений касательно малого числа оправданий, то они от лукавого, поскольку авторы этих суждений старательно избегают ответа на вопрос: что государству делать, если преступление на лицо, а подсудимый оправдан?

Еще раз подчеркнем, что общая конструкция законодательства такова, что отдельные «следы» малозначительности правоприменителю приходится искать в других, совсем не уголовных законах, например, в ст. 7.27 КоАП РФ.

Что касается представителей юридической науки, то явное несовершенство конструкции действующего закона заставляет их искать параметры малозначительности в трудах классиков как отечественного уголовного права, так и специалистов из других стран. Например, Ч. Беккариа (1738–1794) отмечал, что «истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу» [6, с. 226].

Авторы французской Декларации прав человека и гражданина 1989 г. понятие преступления раскрывали, как «действия вредные для общества». Эта правовая идея сохранилась и в УК Франции 1992 г.: «Тяжесть вреда, причиненного обществу, – вот что определяет юридическую сущность преступного деяния. Только посягательство на общественные ценности образует преступление и проступки» [7, с. 35].

Освещение проблем значительности и малозначительности в отечественной юридической науке представляется целесообразным разделить на четыре больших периода:

- 1) дореволюционный (1845–1917 гг.);
- 2) постреволюционный (1917–1958 гг.);

3) период развитого социализма (1958–1991 гг.);

4) постсоветский (1991 г. – по настоящее время).

1. Дореволюционный период (1845–1917)

По нашему глубокому убеждению, анализируемые в настоящем цикле статей проблемы значительности и малозначительности в теории русского уголовного права лучше всего были раскрыты профессором Н. С. Таганцевым (1843–1923). Николай Степанович, излагая свои взгляды на преступное деяние как предмет изучения в курсе своих лекций по русскому уголовному праву, уже в подзаголовке первом введения путем простого перечисления указал, что ниже речь пойдет о таких простых понятиях, как: 1) «жизненное событие», 2) «проявление личности», 3) «социальное явление», 4) «предмет антропологии» и, заметим, только в самом конце, 5) «юридическое отношение» [8, с. 1].

С этого момента для теории российского уголовного права характерен следующий подход в расположении категорий, подлежащих изучению по их значимости: «преступное деяние», «его объем», «уголовный закон» («норма»), «виновник» [9, с. 376–380].

Примечательно то обстоятельство, что Н. С. Таганцев разделял не только категории «уголовное право» и «уголовный закон» (многие этого не ощущают и в наши дни), но и соотношение прав и обязанностей виновного, судьи и государства. Конкретизируя функцию последнего, он подчеркивал, что «наибольшее значение закон имеет для самого государства... устанавливая, какие именно посягательства признаются настолько *существенными* (выделено нами – Н. К.) условиями общежития, что государство охраняет их от неисполнения угрозой наказания» [8, с. 111].

Существенное Н. С. Таганцев предлагал искать путем толкования (кто-то знает иные пути?), предупреждая, что поиск смысла сказанного законодателем начинать надо от обратного (*ad absurdum*), чтобы рассуждения не привели правоприменителя к «логической нелепости или физической невозможности исполнения закона» [8, с. 362]. Хорошо, когда закон ясен (к ст. 14 УК РФ это не относится), ибо в такой ситуации его можно применить буквально. Со всем другое дело, когда закон придется применять с учетом скрытой мысли законодателя: «дать норме либо рестриктивное, ограниченное толкование, либо толковать закон экстенсивно, распространительно» [8, с. 363].

Анализируя грани «значительности» и «малозначительности», Н. С. Таганцев нашел исключительно интересные примеры обоих видов толкования Правительствующим Сенатом. Экстенсивное (гиперзначительное) – оказание сопротивления исполнению судебного решения в группе (ст. 270 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных) вне зависимости от степени участия каждого. В наши дни это напоминает объективное вменение, рекомендуемое Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013 № 3, от 24.12.2019 № 59): участники преступления договорились о даче – получении взятки, вне зависимости от размера полученной суммы оба состава оконченные.

В наши дни классический пример такого расширенного толкования – придание гиперзначимости всего лишь интеллектуальному участию взяточдателя в организации получения взятки – результаты рассмотрения уголовного дела в отношении судьи Котова и адвоката Кувакиной. Из апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.02.2024 № 55-33/2024 (электронный архив суда за 2024 г.) следует, что в действиях последней суды первой и второй инстанций усмотрели оконченный состав преступления, несмотря на то что последняя на заключительном этапе совершения преступления фактически «отработала за сотрудника правоохраны», вручившего «куклу» взяткополучателю.

Рестриктивное толкование закона Сенатом: фальшивомонетки (ст. 571 уложения «Подделка государственных кредитных бумаг») подделали банкноты, но не путем изготовления специальной бумаги (п. 1), а на «простой бумаге» (п. 2), да еще механическим путем (нарисовали ассигнации от руки), что существенно ограничивало возможность их распространения. Законодатель XIX в. считал: не исключено, что при таких обстоятельствах суд должен руководствоваться не буквой закона, а разумом (*ex sententia legis*) [8, с. 363–364].

Такое до предела рестриктивное толкование, пусть и крайне редко, но все же встречается и в наши дни. Так, сторона обвинения сочла возможным не замечать значимого в действиях егеря, умышленно таранившего машину мотоцикл, на котором браконьер вывозил незаконно добытые трофеи (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Мировой судья такой компромиссный подход к решению проблемы полностью одобрил, усмотрел в действиях виновного всего лишь малозначимое – причинение вреда здоровью при задержании опасного преступника (ч. 1 ст. 114 УК РФ) [10].

Для правильного понимания рестриктивного толкования в совершенных условиях особый интерес представляет «многоходовка», предпринятая Всеволожским городским судом Ленинградской области в целях освобождения от наказания директора пансионата для престарелых Н., который органами предварительного расследования обвинялся по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, за что и был осужден данным судом от 25 ноября 2022 г. Несмотря на то что Н. был признан виновным в оказании услуг, повлекших смерть женщины, суд первой инстанции истолковал содеянное как малозначительное, поэтому усмотрел основания для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, изменил категорию преступления с тяжкой на менее тяжкую, применил ст. 76 УК РФ, ст. 25, п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ и прекратил уголовное дело в связи с примирением Н. с потерпевшим (постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации Иванова о передаче кассационного представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 02.10.2023 № 33-УДП23-17-К3 (Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2024 год)).

Во всех перечисленных ситуациях и Сенат, и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, и правоприменители по конкретным делам руководство-

вались не буквой закона, а только его духом, если точнее, то соображениями целесообразности.

Естественно, что Н. С. Таганцев был полностью согласен с позицией Сената в том, что «всякое сомнение должно быть истолковано в пользу подсудимого (*in poenalibus causis benignius interpretandum; in dubiis – mistius*)» [8, с. 366]. Как следует из вышеизложенного, некоторые сомнения фактически не далеко ушли от надуманного. Превратности института толкования. Неслучайно профессор Г. Ф. Шершеневич (1863–1912) предупреждал: «не ищите в толковании науки, ибо это искусство» [11, с. 724]. Иными словами, конфликт между категориями «правовая определенность» и «законность» неизбежен. Причина: с одной стороны, краткость законодательного регламента, с другой – в законе могут быть изложены самые общие правила.

Как известно, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не только признавал за судами право на толкование закона (ст. 12), но и буквально запрещал судьям уклоняться от данной обязательной формы судебной деятельности, так как судья не имел права останавливать решение дела под предлогом какой-либо неясности закона (ст. 13).

Что касается права суда на толкование, то подчеркнем, что единства по данному вопросу в России никогда не было, нет его и сейчас. Н. С. Таганцев по этому поводу писал: с одной стороны, ввиду отрицания прецедента как источника права факт толкования не выходит за рамки конкретного уголовного дела. С другой стороны, речь всегда шла о необходимости формирования в государстве единого правового пространства, следовательно, частные решения по конкретным делам определенную силу прецедента все же имеют. При этом в формировании единого правового пространства особая роль принадлежит высшим судам [8, с. 369–361].

В наши дни в открытую снова заговорили об особой российской судебной доктрине. Как и во времена Н. С. Таганцева, высказываются опасения о том, что суды создают право, а при существовании «жесткой судебной системы» «право пишется высшими инстанциями» [12, с. 31–33].

Н. С. Таганцев официально сожалел, что публикуются далеко не все решения высших судов [8, с. 371], то же самое мы вправе сказать и о текущей судебной практике. Например, признается, что опубликованы даже не все решения Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Причины такого подхода к решению проблемы могут быть разными, одна из них – отсутствие уверенности в законности и обоснованности судебных решений.

Относительно избранной темы отметим, что факты применения (а тем более, отказа в применении) судами ч. 2 ст. 14 УК РФ публикуются крайне редко, результаты проведенных обобщений данной практики носят, как правило, закрытый характер. При таких обстоятельствах о едином правовом пространстве применения ч. 2 ст. 14 УК РФ говорить не приходится. Да и возможно ли таковое в большой многонациональной и многоконфессиональной стране?

Чем в таких ситуациях следует руководствоваться правоприменителю? Ответ на вопрос находим у Н. С. Таганцева: речь идет об авторитете юридической науки. Впрочем, многие россияне тут же заявят, что мы не в Англии, чтобы ссылаться на корифеев науки: нет у нас своих У. Блэкстоуна (1723–1780) и Д. Маршалла (1755–1835). Ссылок на доктрину в уголовном судопроизводстве немного, впрочем, в иных видах процесса такие ссылки уже приветствуются.

Также рассмотрим другой документ – ровесник Великой судебной реформы 1864 г. – Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, который изобилует словосочетаниями «смотря по обстоятельствам» (ст. 9), «признание вины», «возмещение ущерба» (ст. 13). Особый правовой статус имели имущественные проступки (кража, мошенничество), совершенные в семье (ст. 19), дела о краже леса (ст. 21).

Наконец, согласно ст. 47 Уложения уголовного 1903 г. (в ред. 1909 г.) «не почитается преступлением деяние, направленное на предмет несуществующий или очевидно негодный для учинения того рода преступления, для которого замыслено».

2. Постреволюционный период (1917–1958)

Лозунг из песни «Интернационал» «Весь мир насилья мы разрушим, до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим» в полном объеме распространялся и на старое «эксплуататорское» право. При таких обстоятельствах государственному аппарату предстояло создать новое советское, социалистическое уголовное право.

Первые советские уголовные кодексы. Не будем отрицать общеизвестного: авторы как первых проектов УК РСФСР (1920¹, 1921² гг.), а также первого УК РСФСР 1922 г., его модернизированного варианта 1926 г. были высококвалифицированными специалистами, прекрасно знающими и дореволюционное законодательство России, и лучшие образцы мирового уголовного права.

Входившие в авторские коллективы А. А. Герцензон (1902–1970), М. М. Исаев (1880–1950), А. А. Пионтовский (1898–1973), Б. С. Утевский (1887–1970) и др. знали, что такое преступление, в чем его общественная опасность, какова значимость формальных признаков преступного деяния. Однако все эти знания из прошлого критически воспринимались обществом, которое делилось на «эксплуататоров» и «эксплуатируемых». В силу данного обстоятельства деяния первых гиперболизировались, значимость содеянного вторыми – преуменьшалась.

Чтобы буква закона (его форма) не противоречила его духу (содержанию), нарком юстиции Д. И. Курский (1874–1932), выступая с докладом на заседании ВЦИК, специально посвященному проекту УК РСФСР 1922 г., отмечал: «закон определяет преступление так, как его понимают марксисты», что «касается правосудия, то его творят рабочие и крестьяне» [13,

с. 81]. Как видим, закон – классовый, «марксистский», «буква» его совсем не догма, поскольку никто не лишал правоприменителей (судей из народа) права на соответствующие формы усмотрения.

Не секрет, что среди судей того периода не считалось зазорным иметь четко выраженное предубеждение в отношении отдельных категорий лиц («бывших»), априори считавшихся «действительно социально опасными» [14, с. 43–44].

Таким образом, авторы первого УК РСФСР 1922 г., записав в законе, что «преступлением признается всякое опасное действие или бездействие» (ст. 6), не забыли упомянуть, что «именно в действии обнаруживается опасность лица» (ст. 7). Иными словами, действие – опасно, особенно если оно совершено особо опасным лицом («бывшим») или просто признанным таким – «особо опасным рецидивистом».

Член-корреспондент, профессор А. А. Пионтовский в 1970 г. отмечал, что УК РСФСР 1922 г. не содержал никаких суждений относительно малозначительности содеянного, поэтому в 1924 г. ВЦИК поручил Президиуму разработать вопрос о возможности прекращения уголовного дела еще до судебного разбирательства ввиду малозначительности проступка по мотивам нецелесообразности.

Как ни странно, выход из сложившейся тупиковой ситуации Президиум ВЦИК нашел не в материальном, а в процессуальном праве, дополнив УПК РСФСР ст. 4 «а», согласно которой прокурор и суд имели право «отказаться в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, но не может считаться общественно опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется нецелесообразным» (постановление от 9 февраля 1925 г.) [15, с. 30].

В следующем уголовном законе – УК РСФСР 1926 г. – читаем: «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее порядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6). В примечании к этой статье было зафиксировано: «Не является преступлением действие, которое хотя и формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного».

Спустя полвека ученые констатировали, что применение данной нормы в прокурорско-судебной практике было редкостью [16, с. 32].

3. Период развитого социализма (1958–1991)

Московский курс советского уголовного права

По мнению профессора А. А. Пионтовского, «малозначительность совершенного деяния должна быть такой, что уголовная ответственность и наказание в

¹ Подготовлен комиссией Общеконсультативного отдела НКЮ, опубликован в Материалах наркомата в 1920 г., вып. VII.

² Подготовлен 4 ноября 1921 г. секцией судебного права и криминологии Института советского права.

данном конкретном случае являлись бы излишними с точки зрения осуществления общих задач законодательства Союза ССР (ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик).

Недопустимо оставлять правонарушителя совсем без наказания. Выход из ситуации А. А. Пионтковский усматривал в рекомендациях, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19.06.1959 «О практике применения судами мер уголовного наказания», в котором было зафиксировано, что «суды должны шире практиковать передачу на рассмотрение общественности дел о правонарушителях, не представляющих значительной общественной опасности, прекращая подобные дела производством в уголовном порядке в соответствии с ч. 2 ст. 7 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик».

К данному вопросу Пленум Верховного Суда СССР вернулся 19 декабря 1958 г. в постановлении «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями». В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. находим оценку вышеперечисленных рекомендаций: «суды продолжают назначать уголовные дела в отношении лиц, совершивших деяния, не представляющие большой общественной опасности, вместо передачи таковых на рассмотрение общественности, необходимо шире практиковать с учетом мнения потерпевшего передачу таких дел в товарищеские суды по месту работы или жительства виновного».

УК РСФСР 1960 г. обзавелся даже специальной нормой – ст. 51 «Освобождение от уголовной ответственности с передачей дел в товарищеский суд». Последний раз к вопросу передачи в товарищеские суды дел о малозначительных преступлениях Пленум Верховного Суда СССР вернулся 9 апреля 1965 г. в постановлении «О практике передачи судами дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов». С этого момента мода на привлечение широкой общественности к участию в судьбе мелких правонарушителей, свойственная периоду оттепели, постепенно сошла на нет, ибо не было в стране сети реально работающих товарищеских судов, некому было передавать правонарушителей на поруки. Следует признать, что «товарищеское правосудие» в 1958–1964 гг. было всего лишь элементом благих пожеланий, пропаганды.

Приведем пример из личного опыта. С начала 1980-х гг. попытки применить аналог ст. 51 УК РСФСР в Молдове парировались встречным призывом прокурора: «Покажите мне реально работающий товарищеский суд!». И прокуроры были правы. Коллективы предприятий, месткомы жили по общепризнанному принципу «Не судите, да не судимы будете».

Впрочем, А. А. Пионтковский признавал, что прекращение уголовного дела за малозначительностью (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР) и прекращение дела с передачей его на товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР) – это далеко не одно и то же [15, с. 34–41].

Непреступно, но аморально, в силу чего может быть преступно

А. А. Пионтковский в 1970 г. признавал: «Грань между преступным и непроступным, но противоречащим коммунистической нравственности поведением исторически изменчива. Поведение, которое в определенное время осуждается лишь коммунистической нравственностью, при известных условиях может быть признано преступлением» [15, с. 28].

Обосновывая это суждение, Андрей Андреевич, ссылаясь на существование в 1940–1956 гг. уголовной ответственности за прогул по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. (осужденных в местах лишения свободы именовали «указники», «указницы»), отмечал, что ныне прогулы отрицательно оцениваются лишь по правилам коммунистической морали» [15, с. 29].

Неясно, в силу каких причин уважаемый профессор забыл про КЗоТ РСФСР, согласно которому прогульщика легко можно уволить как при советской власти, так и в наши дни.

Прогул – саботаж: дважды к расстрелу

Для правильного соотнесения категорий «дух закона» и «суть момента» особый интерес представляет дело слесаря Чванина, который по приговору Молотовского областного суда от 10 августа 1942 г. по ст. 58-14 УК РСФСР был осужден к высшей мере наказания – расстрелу за «систематический контрреволюционный саботаж: с марта 1942 года в течение 34 дней не выходил на работу, вместо больничного листа сам себе выписывал фиктивные справки, освобождавшие от работы, подделывал печать амбулатории и подпись врача. Такими же фиктивными справками, освобождавшими от работы, снабжал других рабочих шахты».

Не менее примечательны и споры, развернувшиеся по поводу данного сурового судебного решения. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 4 сентября 1942 г. действия Чванина перекалвалифицированы на ч. 1 ст. 72 УК РСФСР, по которой назначено три года лишения свободы. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 октября 1942 г. кассационное определение отменено, дело направлено на новое кассационное рассмотрение. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 31 октября 1942 г. приговор оставлен без изменения. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1942 г. высшая мера наказания заменена Чванину 10 годами лишения свободы. Наконец, постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2010 г. содеянное Чваниным квалифицировано по ч. 1 ст. 72 УК РСФСР 1926 г., по которой ему назначено два года лишения свободы.

Представляется, что внимательный читатель уже заметил: осужденный не был обвинен в подделке официально признаваемых листов нетрудоспособности (документов, представляющих определенное право), а осужден всего лишь за то, что сам себе вы-

писывал некие справки, не влекущие никаких юридических последствий.

Ленинградский курс советского уголовного права

Ученые из Ленинградского университета, ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма, отмечали, что «общество основывается не на законе. Это – фантазии юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе» [16, с. 259], и делали вывод, что «общественная опасность преступления не исчерпывается только указанием на те объекты, на которые оно посягает. Общественная опасность определяется также и другими объективными и субъективными признаками деяния [17, с. 158–160].

Думается, что авторы Курса советского уголовного права в своем повествовании сослались на весьма удачный пример малозначительности деяния. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР расценила как малозначительное действие Г., который через сломанный люк попытался похитить арбуз. Применяя ч. 2 ст. 7 УК РСФСР, суд привел такой мотив: «Г. не имел тары для переноски арбузов, следовательно, он не мог причинить существенного ущерба».

Здесь у проницательного читателя может возникнуть вопрос, а если бы у Г. при себе была тара (мешок, тачка), то как быть с оценкой значимости содеянного?

«Небольшой размер?»

16 января 1965 г. выход из данной ситуации попытался найти Президиум Верховного Совета РСФСР, дополнив УК РСФСР 1960 г. ст. 93.2. Стало возможным применение штрафа за хищение государственного или общественного имущества к лицам, объективная сторона содеянного которыми соответствовала ст. 89 (кража), ст. 92 (растрата) или ст. 93 (мошенничество) при условии, что размер похищенного невелик, деяние совершено впервые, а применение вышеперечисленных ст. УК РСФСР не вызывается необходимостью.

Нас, в первую очередь, интересует категория «небольшой размер». Авторы «Комментария к Уголовному кодексу РСФСР», памятуя, что кража государственного (общественного) имущества на сумму до 50 руб. есть хищение мелкое, наказуемое, но только вне рамок права уголовного, определили поток размера хищения, караемого по правилам ст. 93.2 УК РСФСР, в 100 руб. Данная сумма была названа с оговорками: 1) применение анализируемой нормы – право, а не обязанность суда; 2) хищение на сумму менее 100 руб. может быть тесно связано с объемом похищенного [18, с. 238–240]. Приведен такой пример из судебной практики. Группа похитила шесть мешков пшеницы общим весом 300 кг, правда, общая стоимость похищенного оказалась менее 100 руб. Суд проявил принципиальность и отказался признавать данное хищение как деяние, предусмотренное ст. 93.2 УК РСФСР.

Статья 93.2 УК РСФСР оказалась нормой нежизнеспособной (фактически мертворожденной), поэтому 3 декабря 1982 г. была исключена из Уголовного кодекса.

Практика применения уголовного кодекса в 1964–1991 гг.

«Великое лицедейство» [19, с. 139–180] – так в свое время писал об уголовном законе К. Маркс. Если у общества нет ясности по общим вопросам, то почему таковая у него должна появиться по вопросам частным, например таким, как уголовная политика? И по Ч. Дарвину, и по К. Марксу, любая политика предопределена природой. Действительно, «кража леса» (преступление) или всего лишь «нарушение лесных правил» (правонарушение)?

«Несуны» [20]. Переместившись из XIX в период развитого социализма, применительно к теме нашей работы попытаемся разобраться в категориях «преступники» и «несуны». Наш анализ начнем с напоминания о том, что не может быть преступлением массовое поведение. Это азбука современной криминологии, ибо число правонарушителей легко превысит количество сотрудников правоохраны. Неслучайно в конце советского периода рабочих, выносящих по частям телевизор «Рубин» или даже автомобиль «Жигули», публицисты стыдливо именовали не ворами (термин «мелкое хищение» из советского, а равно постсоветского правового лексикона никогда не изымался), а всего лишь ласково «несунами».

«Эта проблема столь органично влилась в психику советского человека, что осуждать «несунов» в нормальном разговоре (не для отчета и не для публики) считается неприличным. Любая попытка усилить реакцию общественности на такого рода правонарушения и придать ей хотя бы несколько негативную окраску вызывала воспоминания о сталинских репрессиях» [21, с. 154].

Как видим, проблема соотношения правонарушения, его тяжести и распространенности, выявленная К. Марксом в одной из своих ранних работ, актуальна и в наши дни. Скажем больше, классику даже и в кошмарном сне не могло привидеться, что его официальный последователь И. В. Сталин будет инициатором серии нормативно-правовых актов, согласно которым за мелкую кражу можно будет даже казнить несовершеннолетних.

Речь идет о постановлениях ЦИК и СНК Союза ССР 1935 г. от 7 апреля «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», которым вводилась уголовная ответственность для детей с 12 лет, и от 7 августа «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (известен, как указ «7–8», «закон о трех колосках»), кумулятивный эффект которых заключающаяся в том, что детей можно было расстреливать даже за мелкое хищение. Например, 9 декабря 1937 г. был расстрелян Миша Шамонин, укравший несколько буханок хлеба. После изучения практики применения данных актов Генеральный прокурор РФ А. Я. Вышинский доложил И. В. Сталину о проверке 115 тыс. уголовных дел, по которым в 91 тыс. случаев применение норм уголовного права было расценено как вредительское, а от наказания было освобождено 37 425 человек, находившихся в заключении.

Ну а были ли парламентские дебаты по данному поводу? Нет, все дебаты свелись с визированию цир-

куляров членами Политбюро ЦК ВКП(б). Что касается результатов расследования, проведенного А. Я. Вышинским, то И. В. Сталин ограничился резолюцией: «За! (не публиковать)».

Цель наказания: «туман» или конкретика

Об этом писали современники К. Маркса в XIX в. [22]. «Тюремный вопрос – один из самых жгучих в настоящее время» [23]. Наказание – зло, страдание, которое государство причиняет преступнику. Цель – абсолютная идея возмездия (Кант), отрицание отрицания преступления (Гегель), восстановление гармонии (Герbart), охрана правопорядка государством. Итак, цели современникам К. Маркса были ясны. Как их достичь? Вот в чем вопрос! В XIX в. считалось, что цели могут быть достигнуты путем устрашения, исправления, а равно с помощью простого физического изъятия преступника их общества (навсегда – смертная казнь, на время – лишение свободы). Уже тогда смертная казнь расценивалась как эксцесс явно негуманный, за идеал принималось лишение свободы. Мыслители озаботились проблемой, как совместить грубую физическую силу (насильственное помещение в тюрьму) с перспективами перевоспитания и исправления заключенного.

С советских времен мы преступника все исправляем да перевоспитываем, при этом уверены в том, что уголовный закон позволяет суду назначить наказание предельно конкретно и точно, чтобы преступник исправился и перевоспитался. Базируясь на данных искусственных, выведенных исключительно на кончике пера тезисах, теоретики защитили не одну сотню диссертаций.

Например, Г. Фристер честно признается, что цели наказания до конца ему не ясны, уголовное наказание может быть лишь приблизительным, в силу данного обстоятельства оно нуждается в коррекции [26, с. 24–37]. Аналогичные мысли мы обнаружим у Г. Й. Шнайдера и Г. Верле. И это действительно так.

В рамках международной научно-практической межведомственной конференции «Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики» (Самара, Самарский юридический институт ФСИН России, 16–17 июня 2016 г.) директор Национальной административной пенитенциарной школы Франции Софии Блэз, отвечая на вопросы российских коллег о целях содержания осужденных в местах лишения свободы, честно призналась: перед сотрудниками пенитенциарной системы ее страны вопрос исправления и перевоспитания преступников не стоит. Свою задачу сотрудники этой системы видят только в обеспечении физического содержания заключенных.

«Пилите, Шура, пилите»

Развитие коммунистических идей противостояния преступности уперлось в честный концепт позднего академика В. Н. Кудрявцева (1923–2007): «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы» [24, с. 50].

17 февраля 2016 г. Папа Римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно – «страус, прячущий голову в песок».

Что же по поводу регламента мелкой кражи в современной России? Законодатель 15 лет непрерывно меняет формулировки ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение» и ст. 158 УК «Кража». Неисключено, что К. Маркс назвал бы эту мышиную возню лицедейством.

4. Постсоветское уголовное право

Безусловно, авторы УК РФ 1996 г. не хуже многих знали историю эволюции в уголовном праве категории «преступление», таких его параметров, как «значительное» и «малозначительное». Также прекрасно понимали они, что сказать по этому поводу что-то новое практически невозможно. В силу данного обстоятельства определение преступления практически без изменений из ст. 7 УК РСФСР 1960 г. перекочевало в ст. 14 УК РФ. Авторы «Энциклопедии уголовного права», включая и легендарную Н. Ф. Кузнецову (1927–2010), по этому поводу ограничились ни к чему не обязывающей фразой, свидетельствующей лишь «о неоднозначности подхода законодателя и доктрины к содержанию общественной опасности» [25, с. 64–65]. Вот так: законодатель ждет от науки предвидения, а наука от законодателя – мудрости. А ведь необходимо только признать правовой реализм, творимый судьями. Но вот незадача – не доверяет им общество, уповающее на мудрость законодателя.

Иные точки зрения

Правовед из ФРГ Гельмут Фристер, рассуждая о целесообразности уголовного преследования, опираясь на Уголовное уложение (Уголовный кодекс – Strafgesetzbuch StGB), в котором противоправные деяния ранжированы на преступления и проступки, отмечает, что ничто не препятствует прекращению уголовных дел о проступках за малозначительностью [26, с. 125].

Именно о такой перспективе дела рассуждала и Н. Ф. Кузнецова, ссылаясь на ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь [25, с. 91–95], авторы которого смогли убрать межотраслевой барьер, наличие которого так почитают некоторые российские правоведы.

Весьма категоричен германский законодатель, когда виновный покушается на негодный объект: «кража вещей, имеющих незначительную стоимость» преследуется только при наличии «заявлений от потерпевших» и «общественного интереса» (§ 248 «а» StGB).

Некоторые научно-практические выводы

1. В полном объеме следует признать правоту профессора Н. Ф. Кузнецовой, которая честно призналась в том, что единства в толковании понятий «значимого» и «малозначимого» в теории российского уголовного права никогда не было. Добавим, что нет полной ясности по данному вопросу и в уголовном праве большинства стран.

2. Представляется, что всеобъемлющим умозаключением относительно сущности преступления яв-

ляется мысль Н. С. Таганцева о том, что такое деяние, в любом случае, «жизненное событие»; обязательно форма «проявление личности»; в целом «социально значимое явление»; да, конечно речь идет о «предмете антропологии» в самом широком смысле этого слова. Естественно, преступление порождает «юридические отношения».

3. Поскольку все еще продолжается разработка алгоритмов применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, а равно ана-

логичных уголовно-правовых регламентов (например, ч. 6 ст. 15 УК РФ), в которых неизбежно заходит спор о значимости содеянного, обществу приходится рассчитывать на уровень искусства (Г. Ф. Шершеневич) толкования, которым обладают наши судьи.

4. Неудивительно, что при таких обстоятельствах растет число правоведов, предлагающих проблему малозначительности деяния вынести на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // *Пенитенциарная наука*. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21–31.
2. Головкин Л. В. Закрепление отраслевых принципов в кодифицированных актах: педагогический прием или правовой инструмент? // *Закон*. 2020. № 6. С. 21–33.
3. Колоколов Н. А. Организация правосудия в постиндустриальном обществе // *Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла)*: сборник научных статей / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2020. 368 с. С. 165–179.
4. Булгаков С. Н. *Избранное*. М., 2010. 736 с.
5. Конт-Спонвиль А. *Философский словарь*. М., 2012. 752 с.
6. Бекария Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М., 1939. 183 с.
7. Крылова Я. Е. *Основные черты нового Уголовного кодекса Франции*. М., 1996. 123 с.
8. Таганцев Н. С. *Лекции по русскому уголовному праву*. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 398 с.
9. Таганцев Н. С. *Русское уголовное право*. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. 380 с.
10. Колоколов Н. А. УАЗом по браконьеру: Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не без повода усомнилась в законности и обоснованности приговора, постановленного мировым судьей по ч. 2 ст. 114 УК РФ в отношении егеря // *Мировой судья*. 2023. № 1. С. 2–12.
11. Шершеневич Г. Ф. *Общая теория права*. М., 1910. 806 с.
12. *Судебные доктрины в российском праве: теория и практика* // П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др. ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев : моногр. М., 2021. 344 с.
13. Курский Д. И. *Избранные статьи и речи*. М., 1958. 330 с.
14. *Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к 100-летию со дня принятия)* / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М., 2023. 240 с.
15. Пионтковский А. А. *Курс советского уголовного права*. В 6 т. Часть общая. Т. II. М., 1970. 248 с.
16. Маркс К. *Процесс против Рейнского окружного комитета демократов*. Речь Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд. в 29 т. Т. 6. М. ; Л., 1930. 567 с. С. 254–272.
17. Домахин С. А. *Понятие преступления* // *Курс советского уголовного права*. В 5 т. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1981. 646 с.
18. *Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР* / под ред. И. И. Карпеца. М., 1971. 560 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. В 50 т. 2-е изд. М. ; Л., 1955. Т. 1. 723 с.
20. Колоколов Н. А. Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к новой повестке дня в современной уголовной политике // *Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса (к 20-летию со дня рождения К. Маркса)* / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2019. 304 с.
21. Назарова Л. Л., Романовская В. Б. Причина административных правонарушений: применительно к проблеме мелких хищений // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. Сер. «Право». 2000. № 1. С. 152–161.
22. Aschrott P. S. *Strafensystemen und Gefengniswesen in England*. Berlin u. Leipzig, 1887. 243 с.
23. Слизберг Г. *Тюрьма в Англии* // *Юридический вестник*. 1888. Янв. С. 104–133.
24. Кудрявцев В. Н. *Стратегии борьбы с преступностью*. М., 2003. 352 с.
25. Кузнецова Н. Ф. *Признаки (свойства) преступления* // *Энциклопедия уголовного права*. СПб., 2005. Т. 3. Понятие преступления. 524 с.
26. Фристер Г. *Уголовное право Германии*. Общая часть. М., 2013. 712 с.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (general description of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. (In Russ.).
2. Golovko L.V. Consolidation of sectoral principles in codified acts: a pedagogical technique or a legal instrument? *Zakon = Law*, 2020, no. 6, pp. 21–33. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Organization of justice in a post-industrial society. In: Khabrieva T.Ya., Lazarev V.V. *Pravo i zakon v programmiruемом obshchestve (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Daniela Bella): sb. nauch. st.* [Law and legislation in a programmable society (to the 100th anniversary of the birth of Daniel Bell): collection of scientific articles]. Moscow, 2020. 368 p.
4. Bulgakov S.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 2010. 736 p.
5. Kont-Sponvil' A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2012. 752 p.

6. Bekaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, 1939. 183 p.
7. Krylova Ya. E. *Osnovnye cherty novogo Ugolovnogogo kodeksa Frantsii* [The main features of the new Criminal Code of France]. Moscow, 1996. 123 p.
8. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugolovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 1* [Lectures on Russian criminal law. General Part. Issue 1]. Saint Petersburg, 1887. 398 p.
9. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. V 2 t. T. 1* [Russian criminal law. Lectures. General Part. In 2 vols. Volume 1]. Moscow, 1994. 380 p.
10. Kolokolov N.A. UAZ poacher: The Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, not without reason, doubted the legality and validity of the verdict issued by the justice of the Peace under part 2 of Article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the huntsman. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2023, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
11. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, 1910. 806 p.
12. Gadzhiev Kh. I. Judicial doctrines as a result of general scientific and concrete knowledge of law: monograph. In: Serkov P.P., Lazarev V.V., Gadzhiev Kh.I. (Eds.). *Sudebnye doktriny v Rossiiskom prave: teoriya i praktika* [Judicial doctrines in Russian law: theory and practice]. Moscow, 2021. 344 p. (In Russ.).
13. Kurskii D.I. *Izbrannye statii i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow, 1958. 330 p.
14. *Pervyi Ugolovnyi kodeks RSFSR: kontseptual'nye osnovy i obshchaya kharakteristika (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [The First Criminal Code of the RSFSR: conceptual foundations and general characteristics (to the 100th anniversary of its adoption)]. Ed. by Savenkov A.N. Moscow, 2023. 240 p.
15. Piontkovskii A.A. *Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. V 6 t. Chast' obshchaya. T. II* [Course of Soviet criminal law. In 6 volumes. General Part. Vol. II]. Moscow, 1970. 248 p.
16. Marx K. The trial against the Rhine District Committee of Democrats. Marx's Speech. In: Marks K., Engels F. *Soch. v 29 t. T. 6* [Essays in 29 volumes. Volume 6]. Moscow, Leningrad, 1930. 567 p.
17. Domakhin S.A. The concept of crime. In: Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. *Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. V 5 t. Chast' Obshchaya. T. 1* [Course of Soviet criminal law. In 5 volumes. General Part. Volume 1]. Leningrad, 1981. 646 p.
18. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Ed. by Karpets I.I. Moscow, 1971. 560 p.
19. Marx K. The debate over the law on forest theft. In: Marks K., Engels F. *Soch. v 50 t. T. 1* [Essays in 50 volumes. Volume 1]. Moscow, Leningrad, 1955. 723 p.
20. Kolokolov N.A. Dynamics of the grammar of law and order: from K. Marx's early work "The debate over the law on forest theft" to a new agenda in modern criminal policy. In: Khabrieva T.Ya. (Ed.). *Pravo, zakon i sud v rannikh trudakh Karla Marksa (k 20-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marska)* [Law, legislation and court in the early writings of Karl Marx (to the 20th anniversary of the birth of K. Marsk)]. Moscow, 2019. 304 p.
21. Nazarova L.L., Romanovskaya V.B. The reason for administrative offenses: in relation to the problem of petty theft. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. "Pravo" = Bulletin of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevskii*. 2000, no. 1, pp. 152–161. (In Russ.).
22. Aschrott P.S. *Strafensystemen und Gefengniswesen in England*. Berlin u. Leipzig, 1887. 243 p.
23. Slizberg G. Prison in England. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*. 1888, vol. 27, no. 1, pp. 104–133. (In Russ.).
24. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for combating crime]. Moscow, 2003. 352 p.
25. Kuznetsova N.F. Signs (properties) of a crime. In: *Entsiklopediya ugolovnogogo prava. T. 3. Ponyatie prestupleniya* [Encyclopedia of Criminal Law. Volume 3. Concept of a crime]. Saint Petersburg, 2005. 524 p.
26. Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Germany. General Part]. Moscow, 2013. 712 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, председатель редакционных советов журналов «Мировой судья» и «Уголовное судопроизводство», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the editorial boards of the journals "Justice of the Peace" and "Criminal Judicial Proceeding", Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 08.04.2024